

Раймон Кено

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

Возьмите слово за основу
И на огонь поставьте слово,
Возьмите мудрости щепоть,
Наивности большой ломоть,
Немного звезд, немножко перца,
Кусок трепещущего сердца
И на конфорке мастерства
Прокипятите раз, и два,
И много-много раз все это.

Теперь пишите! Но сперва
Родитесь все-таки поэтом.

Пер. Мих. Кудинова

Маяковский В.

<http://mayakovskiy.lit-info.ru/mayakovskiy/stihi/stih-119.htm>

О ПОЭТАХ

Стихотворение это -
одинаково полезно и для редактора
и для поэтов

Всем товарищам по ремеслу:
несколько идей
о «прожигании глаголами сердец
людей»

Что поэзия?!
Пустяк.
Шутка.
А мне от этих шуточек жутко.

Мысленным оком окидывая Федерацию –
Готов до боли визжать и драться я.
Во всей округе –
Тысяч двадцать поэтов изогнулись в дуги,
От жизни сидячей высохли и жгут.
Изголодались.
С локтями голыми,
Но денно и ночью
Жгут и жгут
Сердца неповинных людей «глаголами».

Написал.
Готово.
Спрашивается – прожёт?
Прожёт!
И сердце и даже бок.

Только поймут ли поэтические стада,
Что сердца
сгорают –
исключительно от стыда.

Посудите:
сидит какой-нибудь верзила
(мало ли слов в России есть?!).
А он
вытягивает,
как булавку из ила,
пустяк,
который полегше зарифмоплесть.

А много ли в языке такой чуши,
Чтоб сама
колокольчиком
лезла в уши?!!

Выберет...
и опять отчёсывает вычески,
чтоб образ был «классический»,
«поэтический».

Вычешут...
и опять кряхтят они:
любят ямбы редактора лающие.

А попробуй
в ямб
пойди и запихни
какое-нибудь слово,
например «млекопитающее».

Потеют как следует
над большим листом.
А только сбоку
на узеньком клочочке
Коротенькие строчки растянулись глистом.
А остальные –
одни запятые да точки.

Хороший язык взял да искрошил,
зря только на обучение тратил гроши.
В редакции
Поэтов банда такая,
Что у редактора хронический разлив жёлчи.

Банду локтями,
Дверями толкают,
курьер орёт «Набилось сволочи!»
Не от мира сего –
Стоят молча.

Поэту в редкость удачи лучи.
разве что редактор заталмудится слишком,
И врасплох удастся ему всучить

какую-нибудь
позапрошлогоднюю
залежавшуюся «веснишку».

И, наконец,
выпускающий,
над чушью фыркая,
режет набранное мелким петитиком
и затыкает стихами дырку за дыркой,
на горе родителям и на радость критикам.

И лезут за прибавками наборщик и наборщица.
Оно понятно –
Набирают и морщатся.

У меня решение одно отлежалось:
помочь людям.
А то жалость! (Особенно предложение пригодилось к весне б,
когда стихом зачитывается весь нэп.)
Я не против такой поэзии.
Отнюдь.
Весною тянет на меланхолическую нудь.

Но долой рукоделие!
Что может быть старей кустарей?!
Как мастер этого дела
(ко мне не прицепитесь)
сообщу вам об универсальном рецепте-с.

(Новость та,
что моими мерами
поэты заменяются редакционными курьерами.)

Рецепт

(Правила просты совсем:
всего – семь.)

1. Берутся классики,
свёртываются в трубку
и пропускаются через мясорубку.
2. Что получилось, то
откидывают через решето.
3. Откинутое выставляется на вольный дух.
(Смотри, чтоб на «образы» не насело мух!)
4. Просушиваемое перетряхивается еле
(чтоб мягкие знаки чересчур не затвердели).
- 5 Сушится (чтоб не успело перевечниться)
и сыпется в машину:
обыкновенная перечница.
6. Затем
раскладывается под машиной

липкая бумага
(для ловли мушиной).

7. Теперь всё просто:
верти ручку,
да смотри, чтоб рифмы не сбились в кучку!
(Чтоб «кровь» к «любовь»,
«тень» ко «дню»,
чтоб аккуратненько
одна через одну.)

Полученное вынь и...
Готово к употреблению:
К чтению,
К декламированию,
К пению.

А чтоб поэтов от безработной меланхолии
вылечить,
чтоб их не тянуло портить бумажки,
Отобрать их от добрейшего Анатолия Васильича
И передать
Товарищу Семашке.

1923

Сумароков А.

РЕЦЕПТ

Худые нам стихи нередко здесь родятся.
Во северных странах они весьма плодятся,
Они потребны; вот они к чему годятся:
Чертей из дома выгонять.
Не будет никогда чертями там вонять,
То правда, и стихи такие пахнут худо,
Однако запах сей и истреблять не чудо,
Почаще надобно курить,
А черт от курева престанет ли дурить?
И не боится он явиться и в соломе,
Его никто нигде дубиной не побьет,
Известно, у него костей и тела нет.
В каком-то доме
Какой-то Черт орал,
И все там комнаты он сажей измарал.
К хозяину принес стихи Пиит невкусный,
А попросту, стихи принес Пиит прегнусный.
Как худы те стихи, толь ими был он горд,
А в те часы пришел к хозяину и Черт.
Толико писаны стихи его нескладно,
Что уж и Черту стало хладно,
И тотчас побежал оттоле он
Большою рысью вон.

На завтра дня того тут были гости те же.
Не лучше ль таковых гостей имети реже?
Пиит бумагу развернул,
А дьявол... в ученого швыркнул
И говорит: «Ты ту ж опять подносишь брагу,
Сложи свою бумагу»,
И вопит он, стенья:
«Не мучь, Пиит, не мучь стихами ты меня,
Я выйду без того, я выйду вон отсюда
И впредь сюда не буду».[1]

[1] Рецепт. Впервые — ПСВС (А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений. М., 1781, чч. 1--10), ч. 7, стр. 245-246. Сюжет заимствован из басни Геллерта «Привидение» («Das Qespenst»).

Пиит невкусный — поэт, не обладающий вкусом, лишенный вкуса.

А дьявол... ученого швыркнул. Многоточие в ПСВС; возможно, оно было в рукописи Сумарокова в связи с тем, что стихотворение было не закончено; может быть, однако, Новиков не разобрал слова или двух слов (т. е. один или три слога).